

ИДЕЯ КОНВЕРГЕНЦИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА В АСПЕКТЕ МОДИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В.Н. Фадеева

Томский политехнический университет

E-mail: verafdv@rambler.ru

Анализируя модификацию социально-философской парадигмы XX в., можно выделить основные идеи, которые ее определяют: это формационная концепция К. Маркса, затем К. Поппера, в основу которой положено противостояние открытого и закрытого общества. Идея конвергенции П. Сорокина рассматривается как дополняющая концепцию «открытого общества». П. Сорокин формирует представление о строе, который в равной степени соединит ценности капитализма и социализма, тем самым делая шаг навстречу тому типу общества, который К. Поппер назвал открытым.

Ключевые слова:

Открытое общество, конвергенция, парадигма, либерализм, тоталитаризм.

Key words:

Open society, convergence, paradigm, liberalism, totalitarianism.

Сегодня мир вновь находится в поисках концепций, объясняющих пути развития общества. Философское осмысление особенностей современного развития объясняется потребностью понять те трансформации, которые в последние десятилетия произошли в социальной реальности. В поисках обоснования модификации социально-философской парадигмы целесообразно обратиться к теориям и опыту XX в.

Понятие «парадигма» утвердилось в философии науки в большей степени относительно естественных и технических наук. Разделение науки на классическую, неклассическую и постнеклассическую основано на научных теориях физики: классической механики И. Ньютона и теории относительности А. Эйнштейна, синергетике. Основываясь на определении парадигмы, где парадигма это система исходных концептуальных схем, способов постановки проблем и методов исследования, господствующих в науке определенного исторического периода, можно сказать, что именно социально-философские концепции определяют парадигму гуманитарного знания. Они дают представление о модели общественного устройства, а, следовательно, определяют набор методов и средств не только научного исследования, но и политики, экономики, управления, которые приемлемы в рамках данной модели.

Одна из задач, стоявших перед социальной философией конца XIX, начала XX вв., заключалась в выявлении законов и стадий исторического развития, на основе которых можно предсказывать будущее человечества. История человечества предстает как однонаправленный линейный процесс. Такое представление о мире вполне укладывалось в классическую и даже неклассическую картины мира. Подобная традиция берет свое начало в античной философии. Позже Августин Аврелий высказал мысль, что история развивается в соответствии с божественным провидением и имеет конечную цель. В социальной философии XIX и

XX вв. концепции общественного развития, предложенные Г.В.Ф. Гегелем, О. Контом, К. Марксом, У. Ростоу и др., отличаются однонаправленностью движения от меньшей свободы, справедливости и благополучия к их все большему и совершенному проявлению.

Специфика этих концепций заключалась в том, что они основывались на мыслительном представлении автора о возможном справедливом общественном устройстве, поэтому они выступали как утопические. Их реализация не представлялась возможной вплоть до XX в., который дал эмпирический материал для изучения существования и функционирования подобных концепций в реальности. XX в, продемонстрировав миру преимущества и недостатки реального социализма, определил и сущность социально-философской парадигмы, которая определялась в соответствии с существующим миропорядком: мир разделен на два лагеря – капиталистический и социалистический. И такая система была принята всем мировым сообществом. Это противостояние определяло развитие социально-философской науки и объясняло развитие исторического процесса.

Таким образом, представление об устройстве мира на протяжении всего XX в. основывалось на формационной концепции. История человечества, согласно этой концепции, предстает в виде пяти формаций: первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, которые, следуя и сменяя друг друга, должны были привести к торжеству коммунистической формации. Именно эта формация, по представлениям многих приверженцев марксизма, являлась бы завершающим этапом развития.

Произошедшие в мире в конце прошлого века изменения большинством исследователей были восприняты как победа капиталистической формации. Идея о том, что два противоборствующих лагеря определяют направленность и содержание исторического процесса, была настолько привычна, что

в ситуации развала социалистического лагеря отсутствие одной из сторон было воспринято как конец истории. Одноименная работа Ф. Фукуямы наилучшим образом отражала подобную точку зрения. «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [1].

В работе Ф. Фукуямы можно отметить некоторые противоречия. «Представление о конце истории нельзя признать оригинальным. Наиболее известный его пропагандист — Карл Маркс, полагавший, что историческое развитие, определяемое взаимодействием материальных сил, имеет целенаправленный характер и закончится, лишь достигнув коммунистической утопии, которая и разрешит все противоречия» [1]. Считая утопичной и ошибочной идею К. Маркса, упрекая его в предсказании конца истории, Ф. Фукуяма усматривает в сложившейся ситуации окончательную и бесповоротную победу либеральной демократии, самого лучшего способа устроить мир, что выглядит так же странно и утопично, как и идея К. Маркса. К. Маркс, стоящий на позициях диалектического представления об устройстве мира, не мог считать коммунистическую формацию застывшей формой, которая обеспечит идеальное устройство мира. Представляется правильным рассматривать идею коммунистической формации как некоторый идеальный тип, стремление к достижению которого и составляет всю мировую историю.

В статье Ф. Фукуямы термин «общечеловеческое государство» употребляется для обозначения того состояния, к которому придут государства после окончания истории. Поскольку основное противоречие будет снято, возможность для развития Ф. Фукуяма усматривает в противоречиях религиозных и национальных. «Допустим на мгновение, что фашизма и коммунизма не существует: остаются ли у либерализма еще какие-нибудь идеологические конкуренты? Или иначе: имеются ли в либеральном обществе какие-то неразрешимые в его рамках противоречия? Напрашиваются две возможности: религия и национализм» [1]. «Из этого следует, что на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны. Однако для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся в рамках истории, но они-то как раз и уходят с исторической сцены» [1].

Кроме терроризма и национализма, которые Ф. Фукуяма отметил как последние противоречия в рамках либерального общества, в современном либеральном мире можно найти множество противоречивых моментов. Внутри капиталистического лагеря политическая ситуация была представлена как противоборство социал-демократии и либеральной демократии, которые, уживаясь в одной системе, стоят на противоположных позициях

во многих вопросах. Например, социал-демократы не признают законности идеи частной собственности на средства производства, а либералы, наоборот, настаивают на этом. В рамках самого либерализма просматривается масса противоречий. Исходные посылы либерализма свобода индивида и частная собственность, распространяются на определенные слои населения определенных государств, остальные люди остаются за гранью либеральных установок.

Кроме того, основной принцип либерализма: личная свобода, возможность для развития и обогащения в рамках свободного рынка, делает эти постулаты недостижимыми для целого ряда людей. Их свобода реализовать себя будет зависеть от степени вмешательства государства в экономику, налоговую политику и т. д. Рынок, по определению, реагирует на те потребности, удовлетворение которых приведет к получению прибыли, а прибыль легче получить, удовлетворяя потребности наиболее обеспеченных членов общества. Те, кто не в состоянии заплатить за удовлетворение своих потребностей, в условиях рынка не могут претендовать на равенство прав и свободное развитие своих способностей, например, инвалиды.

Иллюстрацией подобного рода противоречий в рамках современного либерального общества, может служить тот факт, что основной документ либеральной демократии, «Декларация о правах и свободах человека», была принята ООН в 1948 г., но не обеспечила прав инвалидов, и поэтому в 1975 г. принимается «Декларация о правах инвалидов». Факт принятия этой декларации, с одной стороны, является шагом к обретению инвалидами равных прав с остальными, но, с другой стороны, еще раз подчеркивает неравное положение инвалидов в современном либеральном обществе. Конвенция о правах инвалидов подписана членами ООН только в 2006 г.

При наличии противостояния капитализма и социализма вопрос о виде социального устройства в любой стране решался в пользу той или иной идеологии. С исчезновением этого противоречия появляется область, которая нуждается в исследовании и уточнении — это выбор дальнейшего развития, те общественные уклады, которые возможны и не могут быть причислены ни к социализму, ни к капитализму.

Переход к постнеклассической картине мира, основывающейся на синергетике, которая трактовала весь мир как систему, включающую в себя взаимодействующие системы различной природы, заставил поменять и основу социально-философской парадигмы. Появляется ряд концепций, где мир представлен как система общественных организаций, сосуществующих во взаимодействии. В частности, подобная точка зрения представлена в трудах К. Поппера, П. Сорокина, И. Валлерстайна, Дж. Сороса.

Можно говорить об идее «открытое общество» К. Поппера как о парадигмальной идее, вокруг ко-

торой возникают дальнейшие теоретические и эмпирические построения, конкретизирующие ее. Концепция открытого общества заменяет концепции историцизма, которые в своей книге «Открытое общество и его враги» критикует К. Поппер. Опасение, которое высказано Ф. Фукуямой, находит свое опровержение в новом противостоянии, которое предлагает К. Поппер – противостояние закрытого и открытого общества. Дж. Сорос вносит в концепцию открытого общества ценностный аспект, он противопоставляет ценности открытого общества и рыночного фундаментализма.

В этом аспекте интересна концепция конвергенции и флуктуации П. Сорокина. Противостояние открытого и закрытого общества, с одной стороны, делает возможным дальнейший ход истории. Но, с другой стороны, в рамках социальной политики, коллективной организации, плановой экономики исключает те ценности, которые были накоплены именно в закрытых системах. На это обстоятельство обращает внимание П. Сорокин, говоря, что общество в зависимости от обстоятельств склоняется то к либерализму, то к тоталитаризму. Кроме того, П. Сорокин в отсутствии противостояния систем видит не конец истории, а, наоборот, связывает будущее развитие человечества с процессом их слияния.

Питирим Сорокин меняет представление о противостоянии двух систем как необходимом условии развития. В разгар противостояния, в период «холодной войны», появилась точка зрения, которая не устраивала ни представителей коммунизма, ни капитализма. П. Сорокин, анализируя исторический процесс, приходит к выводу, что должно произойти слияние капиталистической и коммунистической формаций.

Анализируя историю развития России и США, П. Сорокин обращает внимание на сходства и различия, присущие этим противостоящим системам. Отмечая различия между этими странами: российское самодержавие и американская демократия, коммунистическая диктатура и республиканский режим, воинствующий атеизм и свободная религия, неграмотность дореволюционной России и просвещенность американцев, мистическая русская душа и американский прагматизм, П. Сорокин, тем не менее, делает вывод, что различия не являются антагонистическими и вполне могут сосуществовать друг с другом.

Общими для СССР и США П. Сорокин называет следующие черты: географическое положение – обе страны занимают значительную часть континента, соединяют различные климатические зоны, играют роль великой державы со своей сферой влияния; история развития – обе страны сравнительно мирным путем достигли своих континентальных размеров; единство национальной структуры – обе страны многонациональны, и это разнообразие определяет их единство. Новым типом общественного устройства П. Сорокин называет интегральный тип, который соединит позитивные

ценности и избавиться от дефектов каждого из предшествующих типов.

Рассматривая идеи П. Сорокина как близкие концепции открытого общества, необходимо обратиться к его представлению о сущности либерализма и тоталитаризма и их роли в историческом развитии того или иного общества. Рассуждая на эту тему, П. Сорокин приходит к выводу, что либерализм и тоталитаризм не присущи тому или иному политическому строю, тогда как К. Поппер четко связал их с определенным общественным укладом, тем самым поставив еще одно препятствие для развития открытого общества как реальности. В этом плане идея П. Сорокина предстает не только как созвучная концепции открытого общества, но и как идея, которая содержит в себе потенциал для ее дальнейшего развития.

«В действительности группа абсолютно тоталитарного или абсолютно *laissez-faire* типа вряд ли когда-нибудь существовала. Но какие-то реальные социальные группы по своей системе социальных отношений были ближе к тоталитаризму, другие больше напоминали «либеральный» или «анархический» тип». Сказанное справедливо и применительно к одной и той же группе в разные периоды ее существования» [2. С. 578]. «Качания» между «тоталитаризмом» и «*laissez-faire*» П. Сорокин называет флуктуацией количественных аспектов сети социальных отношений и разделяет их по критерию продолжительности. Рассматривая проблему смены тоталитаризма либерализмом, или *laissez-faire*, П. Сорокин выделяет два типа флуктуаций: долговременные – происходят медленно и постепенно, длятся долго; и кратковременные «спазматические» – внезапные и быстротечные.

Рассматривая долговременные флуктуации, П. Сорокин устанавливает зависимость количественного аспекта социальных систем от типа культуры. Выделяя в истории человечества три основных типа культуры по критерию господствующих в обществе ценностей, П. Сорокин характеризует их следующим образом:

- идеациональная – религиозная культура, главная ценность – Бог;
- чувственная – материальная культура, главная ценность – удовлетворение материальных потребностей;
- идеалистическая – синтетическая культура, объединяющая лучшее из идеациональной и чувственной культуры.

Основываясь на такой классификации, П. Сорокин доказывает, что «тоталитарное (и светское) государство с его всеведущим правительством, относится главным образом к чувственной культуре и чувственному обществу» [2. С. 578]. В концепции П. Сорокина дальнейшее развитие общества связано с идеалистической культурой. Описывая состояние западного общества, П. Сорокин характеризует его как начавшийся распад чувственной системы. Этот процесс находит свое выражение в следующих тенденциях: относи-

тельность чувственных ценностей, стирание границы между положительными и отрицательными ценностями, что приведет к умственной, моральной, эстетической и социальной анархии; человек будет трактоваться только «биологически» и «материалистически»; исчезнет «общественное мнение», на его место придут противоречащие друг другу мнения беспринципных фракций; главным атрибутом межличностных отношений станет сила и обман; свобода для большинства превратится в миф, а меньшинство будет ее использовать как ширму для насилия; сократится творческий потенциал культуры. Сокращение творческого потенциала П. Сорокин видел в распространении количественной гигантомании, вытеснившей качественную утонченность: «бестселлер вместо классики, блестящая внешность вместо внутреннего содержания, методика вместо гениального озарения»; мышление заменится поиском информации; обесценятся и «подвергнуться унижению величайшие культурные ценности». Таким образом, отмечая распад существующего общества, П. Сорокин намечает траекторию его дальнейшего развития.

Краткосрочные флуктуации более интересны с точки зрения проблематики открытого общества, так как позволяют реализовывать принцип управления открытым обществом, «социальной инженерии». П. Сорокин перечисляет факторы, способствующие этим колебаниям: война или мир; экономическое процветание или обнищание; всевозможные социальные кризисы.

Понятно, что государственный контроль усиливается в кризисные моменты. С войной правительство резко увеличивается. «Лучшими творцами тоталитаризма, в том числе государственного социализма и государственного коммунизма, были не Маркс и не Энгельс, не Лассаль и не Ленин, а величайшие организаторы вооруженных сил и создатели воинствующих империй: Чингисхан, Тамерлан, Юлий Цезарь, Наполеон и т. д.» [2. С. 589].

Второй фактор – экономическое процветание или обнищание, по мнению П. Сорокина, менее очевиден, но, тем не менее, неопровержимо подтверждается историческими фактами. П. Сорокин выделяет формы, в которых проявлялся государственный контроль во время обнищания:

- контроль за экспортом и импортом, государственная монополия на международную торговлю;
- установление фиксированных цен на продукты питания и предметы первой необходимости;
- учет всех средств первой необходимости, находящихся у населения;
- контроль за покупкой и продажей продуктов, а так же за денежными средствами, которые должны быть потрачены;
- принудительные меры со стороны правительства в отношении частных лиц, обязывающие их поставлять свои продукты на рынок;

- правительственные реквизиции продуктов у частных лиц;
- создание штата правительственных агентов, занимающихся покупкой, производством и распределением средств первой необходимости среди населения;
- установление норм потребления;
- организация широкомасштабных общественных работ;
- передача правительственного контроля за производством, распределением и потреблением продуктов первой необходимости частным лицам.

«В обществе, в котором существует дифференциация на бедных и богатых, чрезвычайное обнищание способствует расширению правительственного вмешательства в экономические отношения и благодаря этому – усилению правительственного контроля в других социальных сферах» [2. С. 590].

Усиление правительственного вмешательства происходит не независимо под знаменем социализма или абсолютизма, мирным или революционным путем, консервативным или революционным правительством. История подтверждает правильность этого утверждения независимо от места и времени: недостаток предметов первой необходимости требовал вмешательства правительства и регуляцию.

В истории одного и того же государства период тоталитарного и свободного общества мог быть различным. Для иллюстрации этих положений П. Сорокин анализирует историю западного общества и римской государственной системы. В частности, как тоталитарный им рассматривается период, начавшийся в конце III в. во времена Диоклетиана, система мероприятий в США для выхода из экономического кризиса перед войной. Сорокин усматривает аналогию с современным тоталитарным режимом, в частности, с характером советской системы 1918–1922 гг. и выделяет основные признаки тоталитаризма:

1. Правительство становится абсолютным.
2. Централизация и контроль за населением со стороны правительства.
3. Централизованная и плановая государственная экономика, где государство является единственной и главной торговой корпорацией.
4. Полная потеря населением внешней свободы и саморегуляции.
5. Вырождение денежной экономики, замена денег натуральными продуктами и услугами.
6. Чрезвычайно раздутая армия государственных чиновников и бюрократов.

«Конкретные формы и степень тоталитаризма варьируются от страны к стране; но сама тенденция наблюдается во всех западных государствах. В одном месте она принимает вид советско-коммунистический, в другом фашистский, где-то гитлеровский или форму «нового курса», устанавливается режим Пилсудского-Хорти-Макдональда-Болдуина-Блюма. Нравится нам это или нет, но мы живем в эпоху резкого усиления «тоталитаризма», чрезвычайного «уплотнения» западной государ-

ственной системы, абсолютизма государственной власти и возрастающего вмешательства правительства во все вопросы и во все дела, которые его не касаются и не должны касаться» [2. С. 584].

Можно прийти к выводу, что тоталитаризм никогда не существовал ради тоталитаризма, следовательно, не может быть никаких ограничений для его появления, любая идея может стать причиной и основанием для установления тоталитарного режима, особенно если вопрос касается прибыли и власти.

«Отсюда вытекает следующий вывод: в истории государства едва ли существует некая устойчивая тенденция к большему и лучшему «тоталитаризму» или к системе *laissez-faire*. Уверения как приверженцев тоталитарного государства — социалистического, коммунистического, гитлеровского, фашистского, так и абсолютной системы *laissez-faire* или ее разбавленных вариантов — анархизма, крайнего индивидуализма (в духе Штирнера и Ницше), либерального гуманизма, либеральной демократии с их «правительством из народа, волей народа и ради народа» (но в меру), что история неуклонно приближается к их излюбленному идеалу, не подтверждается социально-исторической действительностью. Здесь, как и в большинстве других областей, история флуктуирует, то, присуждая победу тоталитаризму, то, склоняясь к антитоталитаризму» [2. С. 584].

Анализируя историю человечества, П. Сорокин находит подтверждения зависимости усиления тоталитаризма от войны и голода и делает выводы, которые позволяют предположить, что тоталитарные государства это не изобретение XX в. и не ушедшее в историю прошлое человечества, это нормальная реакция на определенные события в государственной жизни.

Так как усиление правительственного контроля над экономикой происходит в результате обнищания или резкого контраста между богатыми и бедными классами, то оно свидетельствует об экономической дезорганизации общества. С этой точки зрения, советский коммунизм и другие разновидности современного тоталитаризма есть форма чрезвычайного усиления правительственного контроля, вызванного войнами и крайним обнищанием населения.

Рассуждая о флуктуациях в мировой истории, П. Сорокин приходит к выводу, что элементы тоталитарного стиля управления необходимы в обществе в силу несовершенства его членов. «Для общества, состоящего из идеальных, совершенных созданий — мудрых высоконравственных, альтруистичных, с ангельским характером — едва ли нужно было бы какое-либо правительство с его принудительной природой и регламентацией. Они сами по собственной воле, делали бы все, что необходимо. К сожалению общества, состоящего из подобных человеческих существ, не существует. Поэтому правительство в том или ином виде существует и должно существовать в любом обществе. Когда

кризисная ситуация ухудшается, правительственное вмешательство, принуждение и регламентация усиливаются, когда кризис проходит — уменьшаются. Такова фактическая и логическая связь этих переменных» [2. С. 598].

П. Сорокин расширяет представления о методах управления, приемлемых для современного общества. Конечно, речь не идет о том, что некоторые успехи тоталитарных методов правления оправдывают существование тоталитарных режимов. Дело в том, что в условиях современного мира обойтись только методами либерального характера не представляется возможным, например, когда угроза терроризма становится реальностью. Главным критерием приемлемости того или иного метода должно стать не представление о принадлежности этого метода к определенному режиму, а пригодность его для обеспечения блага человека. К. Поппер не оригинален в своем представлении об общественном устройстве, он так же, как его предшественники считает, что главным принципом существования открытого общества должно стать благо человека. Он неоднократно подчеркивает это, делая высказывание Протагора — «человек мера всех вещей» — главным девизом открытого общества. Рассуждая об управлении открытого общества, К. Поппер употребляет термин «социальная инженерия», и главным отличием ее от других, исторических способов правления, он считает отсутствие интереса к происхождению методов правления. Главным критерием является их пригодность для ситуации, в которой они будут использоваться. «Сторонник социальной инженерии и технологии, со своей стороны, едва ли будет чрезмерно интересоваться происхождением институтов или первоначальными намерениями их основателей. Возникающие в связи с социальными институтами проблемы он будет рассматривать следующим образом. Если у нас есть определенные цели, то насколько хорошо организован или приспособлен данный институт для их осуществления? Вообще, можно сказать, что инженер или технолог предпочитает рациональное рассмотрение институтов как средств, обслуживающих определенные цели, и оценивает их исключительно с точки зрения их целесообразности, эффективности, простоты, и т. п.» [3. С. 54].

Смена социально-философской парадигмы может быть отмечена как смена задач социально-философских концепций. Главным становится не онтологическая картина совершенного общества, а методология, определяющая, как можно приблизиться к этому совершенству с наименьшими потерями. Современные концепции делают акцент на умении управлять постоянно изменяющимся обществом, корректируя властные структуры и их политику. На первый план выходит способ управления, позволяющий сохранять стабильность общества в тех рамках, которые определяются как максимально возможное справедливое общественное устройство. Вопрос о том, к какому лагерю

принадлежит данное общество, перестает быть решающим. П. Сорокин выдвигает иную траекторию развития общества.

Можно сделать вывод, что концепция П. Сорокина предстает как дополняющая идею открытого общества по ряду параметров. *Во-первых*, на первое место в анализе типов социальных систем он ставит категорию «ценность» и видит новое общество как интеграцию позитивных ценностей капитализма и социализма. *Во-вторых*, дополняет концеп-

цию открытого общества возможностью включить в нее ценности тоталитарных методов правления, что было неприемлемо в концепции К. Поппера. *В-третьих*, выдвигает идею флуктуаций, или колебаний, которые присущи любому общественному устройству как тоталитарному, так и либеральному. Все это позволяет считать концепцию П. Сорокина как расширяющую представление об открытом обществе и способствующую его развитию на теоретическом и эмпирическом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма Ф. Конец истории // Библиотека Гумер. 2009. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_Fuk_EndIst.php (дата обращения: 21.09.2009).
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.
3. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. / под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

Поступила 16.04.2010 г.

УДК 231.12:159.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ БОГА. МИФ К.Г. ЮНГА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Сбойчикова

Томский политехнический университет
E-mail: mariyasheg2007@rambler.ru

Рассматривается феномен религии и мифологии с точки зрения психологии. Проводится анализ сущности мифа К.Г. Юнга и сохранения понятия «бог» с тем, чтобы выдвинуть предположение, каким образом процесс индивидуации проявляется в повседневной жизни и в существующих религиозных общностях. Обосновывается особая роль христианства как религии, наиболее полно способствующей индивидуации. Проводится сравнительный анализ мнений К.Г. Юнга, А.Ф. Лосева и М. Элиаде о «вере в священное» с тем, чтобы показать, как теории А.Ф. Лосева и М. Элиаде находят подтверждение в эмпирических исследованиях К.Г. Юнга.

Ключевые слова:

Сознание, бессознательное, Самость, воплощение бога, трансформация бога, творение сознания, индивидуация, религия, миф.

Key words:

Consciousness, the unconscious, Self, incarnation of god, transformation of god, creation of consciousness, individuation, religion, myth.

Данная работа посвящена анализу сущности зарождающегося универсального мифа, призванного, согласно К.Г. Юнгу, объяснить и объединить все действующие религии. К.Г. Юнг является единственным ученым, который на основе эмпирических фактов, подводя итог дела всей своей жизни, дал четкий и определенный ответ на вопрос о смысле человеческого существования и обозначил контуры нового вселенского мифа. Работы К.Г. Юнга уникальны не только тем, что содержат эмпирическое доказательство существования Бога (в качестве трансперсональной психической субстанции). В них проведен глубокий анализ истоков религиозного и мифологического сознания, который дает возможность обосновать все существующие религиозные общности и подвести под них единую основу. Анализ мифа К.Г. Юнга позволит нам выдвинуть гипотезу о том, каким образом, по нашему

мнению, процесс индивидуации осуществляется на практике в мистическом и повседневном опыте, а также выявить особую роль христианства в «созидании сознания».

Швейцарского ученого можно назвать первым, кто сформулировал проблему современных мировых культур как отсутствие в них функционального мифа. Если согласиться в этом с К.Г. Юнгом, можно предположить, что крах мифа является следствием краха религиозного мировоззрения современного человека. Миф представляет собой только форму для выражения религиозности, а вера и приоритет духовных ценностей являются содержанием. При исчезновении содержания форма долго существовать не может. Так или иначе, крах центрального мифа лишает членов общества психологической общности и ставит перед ними неразрешенный вопрос о смысле жизни. Лишен-